

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

ПРАВДА ФЁДОРА СУХОВА

1

Ни одна поэтическая антология о Великой Отечественной войне не обходится без этого стихотворения:

Провожали меня на войну,
До дороги меня провожали,
На село я прощально взглянул,
И вдруг губы мои задрожали.

Ничего б не случилось со мной,
Если б я невзначай разрыдался, —
Я прощался с родной стороной,
Сам с собою, быть может, прощался.

А какая стояла пора!
Лето в полном цвету медовело.
Собирались косить клевера,
Рожь от жаркого солнышка млела.

Поспевала высокая рожь,
Наливалась густая пшеница,
И овёс, что так быстро подрос,
Прямо в ноги спешил поклониться.

Заиграла, запела гармонь,
Всё сказала своими ладами,
И платок с голубою каймой
Мне уже на прощанье подарен.

В отдалении гром грохотнул,
Был закат весь в зловещем пожаре...
Провожали меня на войну,
До дороги большой провожали.

Автор этих строк поэт Фёдор Сухов, датированы они 1954 годом. Прошло уже почти десять лет, как закончилась война. Но, видимо, прощальный день проводов на фронт волновал, тревожил, жёг и, наконец, вылился

в пронзительное стихотворение, ставшее классикой военной поэзии. Хотя в этом небольшом произведении, по сути, нет ни боёв, ни героизма, ни подвига, лишь предощущение чего-то, ещё не понятного, неизведанного и в то же время великого.

Смею предположить, что повесть “Усвятские шлемоносцы” (1977) курянин Евгений Носов написал под впечатлением этого стихотворения. Фёдор Григорьевич и Евгений Иванович много раз встречались, были хорошо знакомы, даже больше — дружили. Оба фронтовики, артиллеристы, воевали в местах, которые потом назвали Огненной дугой. В повести Носова тоже не происходят батальные события, рассказывается о том, как уходили защищать Родину курские селяне. И интонация повествования тревожно-печальная, и в то же время одухотворённо-жизнеутверждающая.

Об “Усвятских шлемоносцах” критик Валентин Курбатов сказал так: “Мы ещё не осознали в подлинном величии эту книгу, где не раздаётся ни единого выстрела, но где война впервые явлена в зияющей смертной силе, вставшей против векового порядка жизни”. Эти слова в полной мере можно отнести и к стихотворению “Провожали меня на войну...”.

2

Желание написать данную статью возникло, когда я нашёл старый блокнот, датированный 1990 годом, “Встреча с поэтом Фёдором Суховым в городской библиотеке им. Н. Островского”. Даты нет, но, вероятно, это было в конце июля — начале августа.

Предыстория встречи такова. Поэт Владимир Молчанов побывал в Доме творчества писателей в Переделкино и рассказал, что познакомился с Суховым. Это был год 45-летия Победы, проходили различные юбилейные мероприятия, и Володя предложил белгородским библиотекарям пригласить Фёдора Григорьевича в наш город, тем более что тот воевал неподалёку от наших мест.

“Приходи, дядя Федя приехал”.

Сухов оказался на самом деле сухим, то есть совсем не богатырского телосложения. Среднего роста, волосы чёрные, заметно припорошённые седой. Пытливый взгляд из-под густых бровей. Рассказал, что побывал в Курской области, там, где воевал. Показал на сучковатую отполированную до блеска палку, вырезанную самолично: “С нею я все памятные места прошёл. У Жени Носова погостил”.

С собой у поэта был небольшой томик Ивана Бунина, изданный “Молодой гвардией”. Я спросил: “Почему Бунин?” Сухов ответил примерно так: “Что-нибудь этакое, так сказать, новаторское, авангардистское накрутить несложно, а вот на основе традиционной поэзии написать своё, о своём и по-своему — задача посложнее”.

А потом была встреча в библиотеке. В моём блокноте сохранились записи того, что говорил Фёдор Григорьевич. Они несколько сумбурные, но, думаю, будут интересны тем, кто не глух к поэзии и кому интересны поэты как личности.

— *Первый бой принял в районе станции Суджа, куда мы выдвинулись из-под Воронежа. Это был июнь-июль 1943 года. В звании лейтенанта командовал взводом пушек-сорокапятки. Об этом рассказал в романе “Ивница”, он выйдет в издательстве “Молодая гвардия”. Дошёл до Пруссии. Дважды был ранен. Имею награды, в том числе медаль “За отвагу”.*

— *На фронт взял тетрадку, куда были переписаны стихи Есенина, Бунина, Ахматовой и других поэтов. На вокзал явился с чемоданом, на что лейтенант сказал: “На войну с чемоданами не ходят, ими мы немцев не победим”. Я чемодан бросил, а тетрадку и некоторые книги переложил в вещмешок и носил всю войну.*

— *Пожалуй, на поле боя никто не мог надеяться, что выживет. Около Обояни немцы, наступая, вели огонь термитными снарядами. Солдаты горели, многие вставали из окопов и бежали, но это было ещё хуже, ибо они становились мишенями.*

— *Однако мне казалось, что меня не убьют. Втайне, конечно. Потому что пишу стихи. 14 апреля 1944 года была первая публикация моих стихов в газете “Красная армия”. Вырезку из газеты я положил в карман гимнастёрки и уже*

всерьёз думал: уж точно не убьют. А замполиту не признался, что это мои стихи.

— В начале войны до слёз было обидно, что так далеко немец залез к нам. Бывало, в окопах фрицы крутили на патефоне пластинки с нашими песнями, с той же “Катюшей”, и мне казалось, что враги взяли в плен нашу русскую песню. Хотелось им за это отомстить.

— На фронте я читал солдатам стихи Есенина “Мы теперь уходим понемногу / В ту страну, где тишь и благодать...”, и они воодушевляли больше, чем призывные стихи того же Симонова. Так почему же их считали упадническими? На войне надо было быть всегда готовым к смерти, и стихи Есенина помогали быть к ней готовым, не отчаиваться, если подобное случится.

— В 1949 году я поступил в Литературный институт и сразу пошёл на могилу Есенина. Она была усыпана цветами и письмами. О том, что, вернувшись с фронта, побывали на могиле поэта, мне рассказывали многие фронтовики. А в декабре того же года я встречался с матерью Есенина. Это произошло на литературном вечере. Я, студент Литинститута, сидел рядом с Татьяной Фёдоровной. Сборник великого русского поэта я и сейчас всегда вожу с собой.

— Когда учился в Литинституте, видел и слушал Пришвина, знал Смелякова, бывал у него в гостях. Во дворе института часто встречал Платонова. Тогда его почти никто не знал и не ценил, но некоторые преподаватели говорили нам, что это великий писатель.

— До сих пор для меня звание поэт как что-то высшее — это Пушкин, Тютчев, Есенин... Я писательский билет старался лишний раз не показывать, даже в милиции (приходилось, увы, там бывать) не признавался, что поэт, — стыдно было.

— У нас почти не было честной литературы о том, как жил и живёт наш народ, и только деревенская проза сказала правду, то есть то, что выше литературы.

— Последние тридцать лет я говорю только правду, всегда и всем, о том, что думаю и что знаю. И мне стало легче жить. Морально.

— Улучшение старого уже есть новаторство. Русский язык в поэзии ещё далеко себя не исчерпал, даже при помощи одного ударения можно делать новое. Так, все новаторства Хлебникова созданы на основе русского языка, на его глубине, а не от хотения автора что-то эдакое придумать. Как человеку нельзя приспособливаться к жизни, так и нельзя приспособливаться к языку — иначе не сохранишь своё “я”, то есть поэту надо творить свой язык.

— Стихи мне всегда помогали в жизни — на войне, в сложных, а порой, как казалось, и в безвыходных ситуациях. А обретение поэтического мастерства — долгий и, может быть, бесконечный процесс. Но молодым поэтам надо обязательно печататься. Для меня первая публикация и сейчас самая памятная.

— Я отрицаю любую идеологию. Единственная идеология, которую признаю, — это духовно-религиозное мировоззрение, направленное на формирование человека как личности.

Читал поэт и свои стихи. Спокойно, слегка нараспев, предельно сосредоточенно, не размахивал по-эстраднему руками. Было понятно, насколько продуманы и прочувствованы его слова. Читал, вероятно, самые ему дорогие, в том числе и “Провожали меня на войну...”.

Есть в моём блокноте и автограф Сухова. Я попросил Фёдора Григорьевича что-нибудь написать на память. Он улыбнулся, взял у меня ручку и в мгновение нарисовал автопортрет-шарж, подписав его.

3

Фёдор Сухов начал писать стихи на фронте. Одно из первых опубликованных стихотворений “Чёрный снег” датировано ноябрём 1944 года.

Мы спали так — спина к спине,
Теплом друг друга грея,
Своим теплом ведь на войне
Товарищ всех теплее.

Оттаивали зелена,
Стихал любой мороз,
Но что-то на исходе дня
Ударилось, разорвалось.

И нет товарища, и нет
Тепла среди метели,
Остался только чёрный снег
На ледяной постели.

А вот строки из стихотворения “Давным-давно я не слышал кукушки...”, написанного в 1956 году:

Я всякий раз, когда ударит залпом,
Когда гроза приблизится ко мне,
С мешком походным ухожу на запад,
К своей не замилившейся войне.

А стихотворение “Просыпаюсь вместе с петухами...” заканчивается трагически:

И тогда-то грохнет надо мною,
Вздрагнет потемневшая земля, —
Новую неслыханной войною
Ополчится небо на меня.
Только я без стога и без крика
Сгину в полыхающем огне, —
Я давно убит на той великой,
На своей единственной войне.

Фёдор Григорьевич Сухов умер в 1992 году в возрасте 69 лет. Похоронен в родном селе Красный Оселок Нижегородской области, откуда уходил на войну и где, вернувшись из Волгограда, прожил последние годы.

Смею высказать ещё одно предположение. Главный герой культового советского кинофильма “Белое солнце пустыни” — красноармеец Фёдор Сухов. Думаю, это не просто совпадение. Один из авторов сценария Валентин Ежов родился в Самаре, отсюда же родом и герой кинофильма. А в 1970 году, когда лента вышла на экраны, в Поволжье, пожалуй, не было более известного поэта, чем фронтовик Фёдор Сухов. К тому же Ежов — тоже участник Великой Отечественной войны и, вероятно, был знаком с поэтом. Вот и решил увековечить его имя посредством кинематографа.